

П О П У Т Ч И К И.

Съ утра до полудня гулялъ по пустымъ и безспѣжнымъ просторамъ холодный сѣверо-западный вѣтеръ, шурша бурою травою и подымая на косогорахъ столбы желтой пыли, смѣшанной со снѣгомъ, кое-гдѣ уцѣлѣвшимъ отъ ноябрьской оттепели. Стоялъ конецъ ноябрю, но снѣгопада не было и только озера блестѣли холодной синью льдовъ и по закрайкамъ ихъ бѣлѣла жесткая крупа, нанесенная бурей. Съ утра до полудня по всему небу бѣжали на востокъ мутныя сизыя тучи, пропадая за исчерна-мглистою полосою далекихъ лѣсовъ.

Къ полудню низко надъ горизонтомъ глянуло желтое солнце, вѣтеръ упалъ и въ пустыхъ поляхъ стало по осеннему тихо. Замерли, застыли въ ледяной корѣ придорожныя травы и одинокія березы съ топкими клястями вѣтвей, печально склоненными надъ промерзлой колеей проселка. Кое-гдѣ на буграхъ ледяные верхи заблестѣли острымъ, рѣжущимъ глазъ блескомъ. Лимонно-желтыми прямоугольниками выступили на поляхъ новыя соломенныя крыши разбросанныхъ тамъ и сямъ хуторовъ. И еще безотрадиѣ вырисовались голыя сквозныя березовыя рощи въ сторонѣ отъ пустынной дороги.

Въ первомъ часу дня по проселочной дорогѣ рысью бѣжала низкорослая буланая лошадка, таща за собою линейку, въ которой сидѣло двое, учитель Максимъ Ивановичъ Трошинъ и мужикъ его деревни Пвпъ Савельевъ. Путь ихъ лежалъ на ближнюю станцію, откуда до уѣзднаго города было тридцать верстъ. Учитель Трошинъ ѣхалъ въ городъ за жалованьемъ и отчасти для того, чтобы повидать знакомыхъ.

Учитель былъ молодой, лѣтъ 27-ми, сухощавый, чернявый, съ острымъ клинущкомъ рѣдкой бородки и рѣдкими усами, съ небольшимъ приятнымъ лщцомъ и вѣчно сощуренными глазами, отчего казалось иногда, что учитель усмѣхается, когда онъ былъ серьезенъ. На немъ было теплое ватное пальто и черная папаха, надвинутая на брови. Умѣстивъ въ лщейкѣ ноги въ теплыхъ резиновыхъ калошахъ, онъ сидѣлъ согнувшись, какъ всегда сидятъ въ экипажѣ слабогрудые люди, привычныя къ пщемной работѣ и не знающіе физическаго труда. Кисти рукъ онъ засунулъ въ рукава пальто и, хотя холодъ былъ невеликъ, чувствовалъ ознобъ въ спинѣ и старался поглубже уйтн головою въ воротникъ пальто.

Пвпъ Савельевъ былъ пожилой, лѣтъ подъ пятьдесятъ, мужикъ, рыжий и широколицый, съ толстымъ носомъ-дулей и совершенно пропадающими въ морщинахъ вѣкъ голубыми глазами. Онъ сидѣлъ, выставивъ правую ногу въ вале-

номъ сапогѣ изъ линейки, и заскорузлыми негнуцимися пальцами перебиралъ веревочныя вожжи, поминутно причмокивая губами. Совеѣмъ новый овчинный тулупъ его приятно бросался въ глаза своею желтизною. На короткой шеѣ былъ новязанъ грязный платокъ, концы котораго трепались по вѣтру.

— Къ Миколѣ дѣло идетъ, а сиѣгу нѣту. Впцать, и не будетъ до самыхъ до Святокъ...—говорилъ онъ, не поворачивая головы къ учителю, а лишь слегка качая ею въ его сторону, точно давая понять, что именно къ нему, а не къ кому другому онъ обращалъ свои слова.

— Да, нѣту,—безразлично отвѣчалъ учитель.

— То-то, нѣту. Не настоящая это зима. Еще слава Богу, земля застыла, озерá уснули, оттепелей этихъ не стало, дорога-то вотъ, укатали колесомъ. А то какъ грудой послѣ тепла замерзнетъ,—чисто наказанье, тряпсѣ тутъ, чего я терпѣть не могу. А что въ Брюсовомъ календарѣ про эту зиму обозначено, читаль ты, Максимъ Ивапычъ?

— Нѣтъ, не читаль. Да, вѣдь, это вздоръ,—Брюсовъ календарь,—отозвался Трошинъ, шевеля плечами, чтобы прогнать ощущение холода въ лопаткахъ.

— Какъ же вздоръ. Нѣтъ, это паука. Вотъ говорилъ мнѣ нашъ одинъ, онъ тамъ подъ Питеромъ жилъ, такъ видалъ, какъ они, эти самые, въ небо глядятъ. Трубы, говорилъ, наводятъ, чисто пушки какія. И всякую погоду указываютъ, когда сиѣгъ, когда дождь.

— Такъ это обсерваторія.

— Ну, вотъ.

— Только зимы тамъ не предсказываютъ. То-есть, они могутъ, какъ бы тебѣ сказать...

Учителю хотѣлось объяснить своему собесѣднику, что такое обсерваторія, но онъ подумалъ, что Иванъ Савельевъ все равно не пойметъ его да и по тону его видѣлъ онъ, что разговоръ затѣянъ такъ, ради скуки, и не представляетъ для спутника большого интереса.

Проѣхали узкій мостикъ черезъ застывшій ручей и стали медленно подыматься въ гору по песчаной колеѣ. Сухо шуршали колеса, не увязая въ промерзломъ пескѣ.

— Но-о, ты, барыня! Страсть не любить, когда гдѣ круто,—усмѣхнулся мужикъ, кивая на кобылку, которая, напрягшись и далеко отставляя заднія ноги, тащила въ гору:—Иѣнитея, чего я терпѣть не могу.

За горой пошла ровная укатанная дорога, желтѣвшая среди поля. У перелѣска встрѣтилось село съ деревянной церковкою и недлиннымъ рядомъ избъ, въ стекла которыхъ нестерпимо ярко било солнце. Иванъ Савельевъ указалъ на второй съ краю домъ, выдѣлявшійся своими размѣрами и навѣсомъ изъ новаго теса.

— Гляди, Максимъ Ивапычъ, вывѣску-то сняли. Пропала матушка-водочка. Каюкъ.

Трошинъ вспомнилъ, что домъ былъ раньше казенкой.

— Жалѣешь?—насмѣшливо спросилъ онъ.

Иванъ Савельевъ глядѣлъ прямо передъ собою и перебиралъ вожжи.

— Жалѣть печего, а, конечно, веселья безъ ней меньше.

— Безобразія, скажи, меньше,—отвѣтилъ учитель. Онъ вспомнилъ, какъ прошедшій годъ почти объ эту пору повстрѣчался онъ за деревней въ сумеркахъ

съ пьяпой ватагой парней и какъ одинъ пзъ ихъ пп съ того ни съ сего двинулъ его въ спину кулакомъ и, можетъ быть, повторилъ бы ударъ, если бы другіе не признали въ пемъ учителя. Парни отошли, но ударившій все грозилъ кулакомъ и хрипло оралъ, удерживаемый за плечи товарищами.

— Эй, ты, читатель-писатель, подь сюды, я тебѣ пропишу.

— Да, вѣдь, это ужъ одно къ одному,—говорилъ Иванъ Савельевъ, сворачивая кобылу съ выбитой колеп на ровное мѣсто.—Говорилъ ли одинъ такой: гдѣ пьютъ, тутъ и бьютъ. А конечно, теперь драки этой не стало. Бывало, на Покрова у насъ рѣдко когда не побьются. Иной разъ и до смерти затюкаютъ... Пьяному-то оно просто. Я съ вѣку не дирался, а бываетъ, идешь да глядишь, чѣмъ бы оборониться... Такъ-то иду я на Егорья съ Иванъ Васильевымъ, съ Зуенкомъ, съ праздничной, вотъ и началъ онъ ко мнѣ приставать. Извѣстно, накачавшись. Я его и такъ и сякъ,—отвяжись только. А онъ, того не слухая, какъ развернется да ке-экъ цопнетъ меня по уху,—чего я терпѣть не могу... Вотъ оно какъ бывало... Ну, а опять же, спрошу я тебя, чѣмъ теперича мужику заняться? Съ чаю, братка, не разыграешься. Вотъ оно и выходитъ, что веселья безъ ней меньше.

Учитель молчалъ. Издалека, пзъ-за лѣса, куда убѣгала дорога, въ мертвомъ воздухѣ донесся едва слышный гудокъ паровоза. Мужикъ встревоженно дернулъ вожжами и поглядѣлъ на солнце.

— Товарный пошелъ. Только это онъ съ опоздаьемъ.

Сзади, быстро падвигаясь на нихъ, послышался возрастающій шумъ экипажа, звяканье бубенчиковъ и дробный топотъ лошадей по застывшей дорогѣ. Они обернулись и свернули съ пути. По проселку крупной рысью бѣжала тройка вороныхъ. Рослый, широко грудый коренникъ мѣрно и сильно билъ копытами землю. По лошадямъ и по рыжей бородѣ кучера учитель узналъ тройку бывшего председателя уѣздной управы Калитина. И точно, это былъ онъ. Калитинъ сидѣлъ, поднявъ воротникъ мѣхового пальто, и разбѣянно глядя по сторонамъ. Учитель снялъ папаху и поклонился. Калитинъ мелькомъ, насколько позволялъ ему бѣгъ лошадей, глянулъ на учителя и приложилъ по военному руку въ лайковой перчаткѣ къ высокой каракулевой шапкѣ. Тройка пронеслась и стала удаляться, сливаясь съ бурными полями.

— Ерой нашъ поѣхалъ, Алексѣй Андреевичъ. А за что высадили-то его, не слыхалъ ты?

— Да, вѣдь, срокъ ему кончился. А на новый не выбралъ.

— Все-таки общдо. Онъ человекъ не худой. Банки эти завелъ, кредитные. Намъ они, банки, очень на пользу. Теперь дали тебѣ денегъ, проценты отсчитали, какой тамъ приходится,—и дѣлай свое дѣло, только сроки помни. Черезъ годъ пришелъ, отдалъ долгъ, а черезъ двѣ педѣли, ежели хошь, опять бери. Съ насъ вотъ Богатыревъ сколько дралъ этихъ процентовъ, не сосчитать. Къ Егорью берешь ты двадцатьпятьку, а къ Покрову песп ему все тридцать пять. А не слыхалъ ты, Максимъ Ивапычъ, что его, Богатыря, сына начисто скалѣчили?

— Убили его сына, слыхалъ я давно.

— Такъ то Степапа. Того еще въ августѣ. А я про Егорку. Безъ рукъ въ Москвѣ лежатъ.

— Врешь, пемось.

— Честно говорю. Бздилъ Новиковъ, такъ впдалъ. Обѣ руки отрѣзано.

Учитель пробурчалъ что-то, кутаясь въ пальто и морщась отъ понадавшихъ ему въ лицо комковъ мерзлой земли, летѣвшихъ изъ-подъ копытъ лошади.

Быль второй часъ дня, а уже чувствовалось приближеніе сумерекъ. Ниже опустилось застилаемое тучами желтое солнце и отъ березъ по землѣ протянулись длинныя тѣни. Холодный вѣтеръ пронесся по полю, закачалъ можжевельникъ и ольшаникъ и побѣжалъ на востокъ, срывая кое-гдѣ съ земли сваявшуюся траву и крутя ее въ воздухѣ. И что-то неуловимое, предвечернее уже разстиралось въ просторѣ полей и луговъ, лилось въ обнаженные чащи и растекалось по дорогамъ.

На самомъ переѣздѣ желѣзной дороги, въ полуверстѣ отъ станціи, которая уже видѣлась на невысокомъ пологомъ холмѣ за рощей, путники догнали маленькую линейчку въ одну лошадь. Еще издали Иванъ сказалъ учителю:

— Отецъ Андрей, Завыдрицкіи батюшка, на станцію ѣдетъ.

Трошникъ былъ знакомъ съ отцомъ Андреемъ и, поравнявшись, поздоровался. Маленькій, сухопькій батюшка попридержалъ вожжи и улыбнулся привѣтливо, кивнувъ головою въ теплой шапкѣ.

— На станцію?—крикнулъ учитель.

— Грѣшенъ Господу Богу,—слабымъ говоркомъ и улыбаясь отвѣтилъ батюшка.—За газеткой ѣду. Обманулъ попадью, сказалъ, что на потребу, запретъ лошадку и ѣду. Очень ужъ хочется почитать. Про войну что слышно, читали?

— Да все хорошо. Опять наши восемь тысячъ въ плѣнъ забрали.

— Австріяковъ?

— Да.

— Австріяковъ это ничего. Вотъ пруссаковъ бы побольше.

Иванъ тропулъ вожжи.

— Увидимся!—прокричалъ учитель, оборачиваясь.

— Хорошій попъ, тихой!—отозвался Иванъ, ухмыляясь въ бороду.—Понадья евоная—ядъ-баба, здоровенная и люта́я, а онъ тихой. Бонтея ее. Дива, право. А попъ хорошій.

Дорога вблизи станціи была вся выбита ухабами и линейка ныряла изъ ямы въ яму, скрипя и поминутно черкая крыломъ мерзлую землю.

— Что пѣмцы снарядами расколотили!—говорилъ Иванъ, причмокивая и вмѣстѣ съ тѣмъ натягивая вожжи.

На деревянномъ крыльцѣ станціи учитель увидалъ рослую фигуру урядника Ильи Судукова. Судуковъ, рыжій, краснолицый мужчина среднихъ лѣтъ, съ великолѣпными рыжими усами, стоялъ, широко разставивъ ноги, вематриваясь въ подѣзжавшихъ, и небрежно козырнулъ, узнавъ учителя.

— Скоро поѣздъ, Илья Ильичъ?

Урядникъ затапулся папирской и отвѣчалъ рокочущимъ басомъ, которымъ онъ славился въ уѣздѣ.

— Моментально. Три часа подождете, онъ тутъ и будетъ. А ежели пожелаете по шпаламъ пѣшедраломъ, то раньше его въ городъ поспѣете.

— Шутите вы. Опоздалъ?

— Не то, чтобы. Расписание перемѣнили.

— Вотъ ужъ... чего я терпѣть не могу—сочувственно отозвался Иванъ Савельевъ, сокрушенно качая головой, хотя ему не было никакого дѣла до поѣзда.

— У насъ и Калитинъ тутъ сидитъ, дожидается!—указалъ Судуковъ на

знакомую учителю тройку вороныхъ, медленнымъ шагомъ огибавшую вдаль станционную площадь.

Въ тѣсныхъ и темныхъ сѣняхъ виеѣлъ густой чадъ махорки и кислый запахъ овчины. Нѣсколько мужиковъ стояли у окна, курили цыгарки и поминутно сплевывали на асфальтовый полъ. Хриплый голосъ говорилъ, смакуя слова и придавая особую интонацію ругательствамъ:

— Тады потребовалъ онъ его къ себѣ... Потребовалъ,—да какъ дастъ ему въ мор-рду. «Ахъ ты, е-сукинъ, говоритъ, е-сынъ! Все мои генералы теперича, говоритъ, кровь свою проливаютъ, а ты, мазурá несчастная, какъ себя воображаешь? Ты гдѣ долженъ, подлецъ, находиться? У дѣвкахъ твое мѣсто?.. Да опять его въ морду. Тотъ отъ его, а онъ за имъ, какъ былъ, при всей регалин. Держите, кричишь, меня, а не то убью подлеца!

— Да-да, этотъ тебѣ... сурьезный!—отозвался другой голосъ.

— При емъ подъ котель не залѣзешь, хошь ты и генераль,—снова заговорилъ хриплый голосъ:—Онъ, братъ...

Голосъ оборвался. Мужики впезанно обратили вниманіе на вошедшаго и примолкли. Учитель поглядѣлъ въ ихъ лица и, не найдя ни одного знакомаго, прошелъ дальше въ общую комнату и, пріотворивъ дверь въ другую, гдѣ обыкновенно дожидалась поѣзда «чистая» публика, столкнулся лицомъ къ лицу съ Калитинымъ, быстро шагавшимъ по небольшой пустой комнатѣ. Калитинъ прищурился на него и, узнавъ, кивнулъ головой.

— Здравствуйте, педагогъ. Входите, не студите мнѣ помѣщенія!—шутливо пригласилъ онъ Трошина.—Да входите же скорѣе. Ужъ не боитесь ли вы меня, а? Не бойтесь, я вамъ теперь не начальство!—смѣялся онъ, подавая учителю небольшую бѣлую и нервную руку съ бирюзою на мизинцѣ.

Калитинъ былъ на видѣ лѣтъ 35-ти, брונетъ, съ подстриженными усами и красивыми сухими чертами лица. У него была привычка морщить брови, отчего лицо его казалось строгимъ и мрачнымъ. Одѣтый въ элегантный сѣрый дорожный костюмъ, онъ производилъ впечатлѣніе не помѣщика, а, скорѣе, крупнаго коммерсанта, бѣдущаго по своему торговому дѣлу.

Калитинъ всего нять лѣтъ какъ поселился въ уѣздѣ, принявъ въ наслѣдство отъ отца крупнѣйшее въ округѣ имѣніе и временно, для устройства дѣлъ, какъ онъ говорилъ, оставивъ службу и Петербургъ. Но, проживъ два года въ деревнѣ, онъ, къ удивленію многихъ, ноставилъ свою кандидатуру въ предсѣдателя управы и былъ выбранъ почти единогласно голосами помѣщиковъ и крестьянъ, изъ которыхъ мало кто зналъ его въ лицо, никто не зналъ о его способностяхъ, но все знали, что у него богатѣйшее имѣніе въ уѣздѣ. Три года Калитинъ «оживлялъ» уѣздъ, внося въ собраніе самые разнообразныя проекты, разбѣзжая по столицамъ, требуя и выпрашивая десятки тысячъ рублей на меліорацию и кооперативы, привлекая къ дѣлу земскихъ работниковъ изъ другихъ губерній, вѣчно засѣдая, споря, критикуя и ожесточенно отражая нападки другихъ. Три года онъ раздражалъ и раздражался, восхищалъ однихъ и доводилъ другихъ до бѣшенства своими рѣчами и планами. А когда наступили новые выборы, онъ былъ закиданъ черняками такъ же единодушно, какъ раньше былъ выбранъ предсѣдателемъ. И, какъ это всегда и вездѣ бываетъ, сразу все заговорили о томъ, что Калитинъ велъ уѣздъ къ разоренію, истратилъ массу денегъ на ненужныя затѣи и тѣ люди, которые ранѣе восхищались имъ, первые и громче другихъ

кричали теперь о его непригодности и радовались его поражению. Властный и самолюбивый, он страдал от того, что у него вырвали из рук дѣло, которое он успѣлъ полюбить и еще болѣе оттого, что самолюбие его было уязвлено, по ему казалось, что страдает онъ за самое дѣло. И оттого все, что теперь дѣлалось въ земствѣ, казалось ему рядомъ грубыхъ непростительныхъ ошибокъ, или скрытыхъ злоупотребленій.

— Вы, вѣдь, изъ Ерзовки, неправда ли? Иванъ Ивановичъ, такъ васъ зовутъ?—мягкимъ дворянскимъ баритономъ и слегка грассируя, говорилъ онъ, пожимая руку Троншна.

— Максимъ Ивановичъ,—поправилъ тотъ.

— Ахъ, да, Максимъ Ивановичъ. Простите великодушно! чуть-чуть смутился Калитинъ и сразу заговорилъ, чтобы заглушить неловкость:—Въ городъ? Къ инспектору? Шутъ гороховый этотъ вашъ инспекторъ. Три года выражалъ управѣ свою благодарность и солидарность, а теперь кричитъ, что мы наводнили школы революціонной беллетристикой. Ре-во-люціонной!.. Какъ вамъ это покажется! У насъ на каждой книжкѣ имѣется помѣтка, одобрено и допущено... Даже «совѣмъ одобрено», даже «весьма допущено»,—а онъ—революціонная!

— Онъ новѣйшей только не любитъ, а то ничего,—замѣтилъ Троншнъ:—Успенскаго не любитъ. У меня увидалъ, приложенія къ Нивѣ, и говоритъ: «зачѣмъ вы этого пьяницу держите».

Калитинъ сочно и громко засмѣялся, показывая ровные, крупные зубы и лицо его сразу помолодѣло.

— Такъ, такъ... Успенскій—пьяница и, кажется, неимѣющій чина?.. Пушкинъ—игрокъ и мотъ, Достоевскій—каторжникъ, Лермонтовъ—дуэлистъ, Тенгинскаго пѣхотнаго полка подпоручикъ, Тургеневъ—губернскій секретарь... а онъ—надворный совѣтникъ и—болванъ!—круто закончилъ онъ, усмѣхаясь, и снова фыркнулъ.—Что жъ, выпишете себѣ сочиненія Крапоткина, князь, и флигель-адъютантомъ былъ. Или Лаврова—артиллерійскій полковникъ. Эгихъ, думается, можно, а?

Онъ глубоко вздохнулъ, повернулся на каблукахъ, прошелся по комнатѣ, вынулъ изъ бокового кармана портсигаръ съ толстымъ золотымъ вензелемъ ногъ коронкой и, щелкнувъ крышкой, протянулъ учителю.

Вошелъ отецъ Андрей, держа въ рукѣ газеты. Онъ, конфузливо улыбаясь, поздоровался съ Калитинымъ, который обратился къ нему шумно и весело.

— А-а, вотъ это прямо сюрпризъ. Отче Андрею! «Аще кто отъ іереевъ, имѣяй косматы усы»... Какъ это у васъ тамъ, ха-ха-ха... Ну, дорогой мой, вы насъ совѣмъ забыли. Даже за книжками не заглянете, а какія я книжицы получилъ. Вѣдь, онъ у меня,—обратился Калитинъ къ учителю,—всю библиотеку перечиталъ. Черно книжникъ онъ у насъ, отецъ Андрей!—смѣялся Калитинъ, говоря объ отцѣ Андрѣ съ тѣмъ ласковымъ и немножко паемѣшливымъ участіемъ, съ какимъ говорятъ обыкновенно о безобидныхъ и пріятныхъ чудакахъ.

Священникъ, и точно, казался чудаковатымъ, маленькій, утопающій въ широкой хламидѣ съ откиднымъ капюшономъ, съ лицомъ, сплошь заросшимъ густыми колючими волосами и длинной каштановой бородой, въ которой запутались клочки сѣна, съ свѣтлыми, почти безцвѣтными глазами подъ навѣсомъ выпуклаго лба и густыхъ сросшихся бровей.

— Все читаетъ, все читаетъ,—весело говорилъ Калитинъ, держа батюшку

за пуговицу его хламиды.—И не подумайте, что одно научное, пѣтъ, и р-романы... Только Мопасана не беретъ, Мопасанъ ему не по сану. Однако, милый вы мой, скажите мнѣ, пожалуйста, что же вы памѣрены дѣлать въ дальнѣйшемъ, а?— съ притворной строгостью обратился онъ къ священнику.

— Я... то-есть, какъ это?

— Да такъ. Карьеру какую избрать себѣ думаете?

Отецъ Андрей смущенно улыбнулся и махнулъ широкимъ рукавомъ.

— Все шутите.

— Нѣ-ѣтъ-съ, не шучу. Да развѣ вы не слышали? Въ отставку васъ веѣхъ, или за штатъ, такъ у васъ, кажется, выражаются... За... ненадобностью! Христианство упраздняется за ненадобностью. Рушится вся ваша постройка-съ.

— Все шутите, все шутите,—заулыбался снова маленькии батюшка.

— Шучу?—вопросительно прищурился Калитинъ.—Ну, пожалуй, шучу. Не знаю только, какъ у васъ языкъ повернется проповѣдывать все ваши догмы, когда опытъ войны доказалъ, что въ Европѣ живетъ сто миллионъ двуногихъ звѣрей и гадовъ.

— Вы о пѣмцахъ?—спросилъ учитель, хотя понималъ, что вопросъ лишній. Ему хотѣлось вставить свое слово.

Калитинъ не отвѣчалъ. Улыбка сбѣжала съ его лица и оно стало жесткимъ и сухимъ. Онъ укоризненно покачалъ головою.

— Эхъ, батюшка, батюшка. Съ газетами вы носитесь, какъ, извините, съ писаной торбой, а... вы о Геккелѣ слышали?

Священникъ вопросительно поднялъ брови и молчалъ.

— Гегель—философъ...—сказалъ Трошинъ, вѣсивъ что-то читанное.

— Э, не туда хватили!—улыбнулся Калитинъ.—Геккель, а не Гегель. Ну, а вы, батюшка, тоже сего мужа не знаете? Такъ я вамъ скажу...

— Нѣтъ, отчего же,—тихимъ и робкимъ голосомъ, потирая руки улыбаясь, отозвался отецъ Андрей.—Читать не приходилось, а такъ... Геккель Ернестъ, авторъ лжеученія, именуемаго монизмомъ, совершенно противнаго духу Христовой церкви. Кромѣ того, ученый и...

Калитинъ звонко расхохотался и потрепалъ отца Андрея по плечу.

— Сокровище вы, отецъ Андрей. Именно, лжеучитель и еретикъ и, кромѣ того, ученый. Но надо вамъ сказать,—продолжалъ онъ, становясь серьезнымъ и сдвигая брови,—надо сказать, что такого ученаго, какъ этотъ еретикъ, не было, пожалуй, со времепъ Бэкона и... пу, да что говорить. Вы почитайте, что пишутъ о немъ въ мировой литературѣ. Философъ, естествовѣдъ, путешественникъ, членъ веѣхъ академій и самъ—академия,—говорилъ Калитинъ, воодушевляясь: Старикъ лѣтъ подъ девяносто... Этакіи Моисей науки, понимаете. Стоитъ опъ на учепомъ Спнаѣ, «насыщенный днями» ... Великолѣпная фигура, мой милый. И вотъ къ этому самому Моисею подходятъ съ вопросами о войнѣ и о непріятелѣ. А опъ, мировой-то гений...

Глаза Калитина блеснули настоящей злобой и ротъ задрожалъ.

— А опъ, старая с-собака, и говоритъ:

Калитинъ поджалъ нижнюю губу и, стараясь шамкать по-стариковски, зашпиѣлъ.

— Вш-шѣхъ передуш-шить, вш-шѣхъ переш-штрѣлять!.. Ахъ, ты с...

Онъ круто повернулся па каблукахъ, прошелся и остановился передъ внимательно слушавшимъ учителемъ.

— Геккель, Гауптманъ, Зудерманъ, Думмерманъ, вся Германія, весь ихъ Пантеонъ кричитъ о необходимости истребленія всѣхъ народовъ. А они—ткнулъ онъ пальцемъ въ сторону священника—будутъ учить насъ милосердію. Человѣколюбіе къ звѣрямъ проповѣдывать. Ахъ, вы, чернокнижники и фарисеи! Нѣтъ, настоящая война начнется тогда, когда будетъ заключенъ миръ. Вѣдь, не могу же я повѣрить, что Германія могла стать такою только потому, что во главѣ ея двадцать пять лѣтъ стояло это воплощенное ничтожество, выродокъ этотъ, Глицеринеръ. Ужъ если Геккель, то что ужъ говорить о Глицеринерѣ! — воскликнулъ Калитинъ, съ видимымъ удовольствіемъ озлобленія, некая слово Гогенцоллернъ. И съ непослѣдовательностью возбужденнаго человѣка прибавилъ:—Вы только обратите вниманіе, какое гнусное сочетаніе звуковъ: Виль-гельмъ... Виль-гельмъ...—повторилъ онъ.—Ужасно противно звучитъ, ужасно! Да и наше народное названіе, оно тоже мистически-жутко и противно: нѣмцы... Нѣмые люди... Нѣмцы. Напоминаетъ марсіанъ Уэльса, право.

— У насъ и чухонъ пѣмцами зовутъ,—сказалъ Трошинъ. Онъ снова сказалъ это для того, чтобы вставить свое слово и сразу смутился, подумавъ, что сказалъ глупость. Калитинъ поглядѣлъ на него разсѣянно и вздохнулъ. Видно было, что онъ всецѣло занятъ тѣмъ, что онъ переживаетъ, и все, что бы ни сказали ему случайные собесѣдники, все это, будь оно умно, или глупо, значительно, или ничтожно,—не могло быть для него ничѣмъ инымъ, какъ только поводомъ для попой вспышки раздраженія.

— Да, милый мой... И этихъ марсіанъ мы же и воспитали... родителямъ на утѣшеніе. И, вѣдь, какъ воспитали! — воскликнулъ онъ съ злобною грустью и вновь оживился такимъ же злобнымъ оживленіемъ.—У меня дядя губернаторомъ былъ тамъ, на Югѣ... Такъ вотъ, понимаете, ѣхалъ онъ по ревизіи осенью, степью, въ невылазную грязь. Въ шестидесяти верстахъ отъ города увязъ его автомобиль и сидитъ его превосходительство ракомъ па мели. Исправникъ съ нимъ былъ, растерялся сперва, а потомъ проситъ позволить ему съѣздить па хуторъ—тамъ одинъ, Фридрихсталь, или Вильгельмгофъ, что ли, попроситъ у помѣщика его машины. Дядюшка въ удивленіи: какой на хуторѣ автомобиль, однако, дѣлать нечего, разрѣшилъ. И что бы вы думали,—строго обвелъ глазами собесѣдниковъ Калитинъ,—черезъ полтора часа подкагываетъ къ нему по трясишѣ этотъ восьмидесяти-сильный пѣмецкій Пиппъ и шофферъ, этакій, знаете, нагло-любезный пруссакъ, приглашаетъ дядюшку на самомъ чистокровномъ русскомъ языкѣ.—Пощаливайте, герръ-губернаторъ, на наша машинка! Нѣтъ, каково!.. Дядюшка мой на что ужъ жеманфишистъ петербургскій, а и его покорило... Однако, поѣхалъ-таки на нѣмецкой машинкѣ... Ха-ха-ха...

— Культурные люди,—вздохнулъ отецъ Андрей, улыбаясь своей робкой и пріятной улыбкой.

— Ку-ультурные... Денежные мѣшки, скажите. Обобрали, обокрали Россию, вотъ и завели культуру. Нѣтъ, чортъ побери, нѣтъ! Я себѣ такъ представляю нашу границу послѣ войны: столбъ съ орломъ и надпись въ германскую сторону: «Heraus» ... Heraus! Heraus!—прокричалъ онъ, шагая по комнатѣ и потрясая простертыми вверхъ руками, отчего защелкали крахмальные манжеты:—туть-то вы, сударики, увидите, какъ это будетъ юберъ-аллесъ безъ русскаго

хлѣбца. Какъ подведетъ вамъ вашъ пивныя брюхи, вотъ вы и узнаете это «юберъ аллесъ». Предупредительная война!.. Нѣтъ, какой цинизмъ, какой звѣрскій цинизмъ въ этомъ понятіи! До чего дошли мерзавцы, выкормыши наши, содержанцы негодные, дважды спасенные... О, гады!—захлебнулея Калитинъ и судорожно схватился обѣими руками за отвороты дорожной куртки аглицкаго фасона, точно ему мѣшало дышать.

Учитель молча смогрѣлъ на движенія его маленькихъ холеныхъ рукъ. Гиѣвно-истерическіе выкрики Калитина очень нравились ему и онъ внутренне стыдился, что до сей поры мало пепавидѣлъ нѣмцевъ. Отецъ Андрей, укоризненно покачивая лохматой головой, блестящими добрыми глазами слѣдилъ за помѣщикомъ. Какъ все очень доброе и слабые люди, онъ искренно преклонялся передъ силой, энергіей и рѣзкостью другихъ. И Калитинъ, безъ словъ понимая тѣ чувства, которыя онъ возбуждалъ въ собесѣдникахъ, довольный собою, искренно негодуя, говорилъ рѣзкимъ, не допускающимъ возраженій, тономъ.

— Да, война впереди. Вотъ вы—учитель,—обратился онъ къ Трошину.— Ваше дѣло великое, милый мой. Балалаечку-то прочь и всякія эти фигли-мигли изъ хрестоматіи насчетъ братства народовъ, всю эту вредную галиматью—тоже прочь. Учите будущія поколѣнія ненавидѣть, понимаете, ненавидѣть смертельной ненавистью. Такъ и начинайте урокъ.—Гришка, кто тятку убилъ? «Нѣмцы».— Гришка, что надо дѣлать съ нѣмцами? «Бить». Всегда, нынѣ и присно—бить, бить и бить!

— Ну, ужъ это, право, даже и... какъ это можно такъ говорить!—укоризненно пробормоталъ батюшка, взмахнувъ руками въ широкихъ рукахъ хламиды и одновременно бросивъ тоскующій взглядъ на кипу грязно-сѣрыхъ листовъ, лежавшую у него на колѣняхъ. Ему правилось послушать Алексея Андреевича, но еще больше хотѣлось почитать. Отецъ Андрей былъ изъ тѣхъ несчастныхъ русскихъ людей, для которыхъ чтеніе давно стало страстью, неодолимой потребностью, замѣняющею все радости жизни.

— А какъ наши дѣла, Алексѣй Андреевичъ?—почтительно обратился учитель.

— Дѣла? Ничего, хороши. Побьемъ ихъ, разумѣется. Не сегодня, и даже не сего мѣсяца и года, но побьемъ на-смерть, это вѣрно. Нѣтъ, что меня радуетъ, это—армія!—оживился онъ снова.—Вѣдь, ничего подобнаго не было тамъ на Дальнемъ... Какая доблесть! И какая тайна, какъ все это по-настоящему, именно, по-настоящему. Вотъ у меня beau-frère,—полковникъ генеральнаго штаба. Такъ мы съ женой только и знаемъ отъ него, что пріѣхалъ въ Варшаву да уѣхалъ изъ Варшавы да пришлите шелковаго бѣлья, потому что въ полотняномъ пасѣкомыя донимаютъ. Вотъ вамъ и все новости,—засмѣялся Калитинъ, засовывая руки въ карманы куртки и прохаживаясь по комнатѣ.

— Однако, чортъ знаетъ, когда же поѣздъ!—воскликнулъ онъ и, набросивъ на плечи пальто, надѣвъ шапку, вышелъ.

— Хорошій бояринъ,—сказалъ священникъ, глядя влѣдъ ушедшему.

— А вы съ нимъ согласны?—неодобрительно спросилъ учитель.

Отецъ Андрей вздохнулъ и махнулъ рукой.

— Какое же согласіе. Распаленъ человекъ, вотъ и негодуетъ. Конечно, всякому обидно. Однако, замѣшкался я. Грѣшенъ Господу Богу, ничего не дѣлаю какъ слѣдуетъ. Попадья-то одна... Поѣду ужъ,—заторопился онъ, собирая газеты и запахиваясь.—Прощайте, Максимъ Иванычъ.

И священникъ вышелъ. Слышно было за непритворенной дверью, какъ прощался онъ съ Калитинымъ, и кто-то чему-то смѣялся раскатистымъ здоровымъ смѣхомъ.

Учитель, повременивъ, тоже вышелъ. Священника уже не было, а рядомъ съ Калитинымъ у кассы, облокотившись на деревянный выступъ, стоялъ земскій пачальникъ Поповъ, коротконогій приземистый пучеглазый здоровякъ съ круглымъ лицомъ и закрученными усами. Учитель поклонился ему, подходя къ кассѣ. Земскій, всмотрѣвшись, кивнулъ головой, но руки не подалъ. Учитель взялъ билетъ и направился къ выходу.

— Вы куда?—разсѣянно-любезно спросилъ Калитинъ.—Поѣздъ скоро.

— Да у меня... вещи тутъ.

— А-а... Ну, до свиданья. Такъ ты говоришь о пособіяхъ,—перешелъ онъ къ Попову.—Но, вѣдь, и это у насъ поставлено чортъ знаетъ какъ...

Учитель вышелъ на перронъ. Было уже совсѣмъ темно, и во мглѣ пепастаго ноябрьскаго вечера тускло мигали подслѣповатые стаціонные фонари, освѣщая кирпичную водокачку и рельсы и оставляя въ темнотѣ рядъ призраковъ-вагоновъ на запасномъ пути. Небо было низкое, черное, безъ звѣздъ. Съ сѣвера, съ невидимыхъ полей тянулъ рѣзкій холодный вѣтеръ. Кучками стояли мужики, терпѣливо дожидаясь поѣзда.

Трошинъ прошелся по площадкѣ передъ станціей и, замѣтивъ лавочку въ концѣ ея, возлѣ деревянной рѣшетки, отдѣляющей жиденькій садикъ начальника станціи, направился туда. Одному, безъ священника, ему не хотѣлось возвращаться въ комнату да къ тому же съ Калитинымъ былъ Поповъ. И онъ рѣшилъ подождать поѣзда здѣсь.

Онъ приблизился къ лавочкѣ, на которой уже сидѣлъ кто-то темный, большой, одѣтый въ длинную дорожную шубу. Тотъ пошевелился, повернулъ голову къ Трошину и учитель услышалъ старческій голосъ.

— Максимъ, что ль? Ивана Ерзовскаго сынъ?

Вглядѣвшись, учитель увидѣлъ впалые глаза подъ кустистыми бровями, опавшія морщины щекъ, густую путаную бороду, и узналъ того самаго Тимофея Васильевича Богатырева, про котораго говорилъ ему въ дорогѣ Иванъ Савельевъ. Богатыревъ медленно прогянулъ ему руку въ вязаной рукавицѣ.

— Максимъ и есть. Въ городъ ѣдешь?

— Въ городъ. И вы?

— И я въ городъ, только въ другой. Въ Москву ѣду. Ну, садись, что стоишь. Не выростешь, небось.

Богатыревъ говорилъ тѣмъ особеннымъ голосомъ, какимъ говорятъ только люди, знающіе настоящую власть и силу, спокойнымъ, ровнымъ, договаривая каждый слогъ, очевидно, будучи увѣренъ, что собесѣдникъ долженъ слушать его внимательно. И услышавъ этотъ ровный голосъ, становилось ясно и понятно для всякаго, что именно этотъ старикъ и есть настоящій хозяинъ и владыка пяти волостей, слово котораго было закономъ на сорокъ верстъ въ округности.

Учитель Максимъ Ивановичъ, подобно тысячамъ сверетниковъ, узналъ о Богатыревѣ рано, еще босопогимъ Максимкой, и въ его понятіи имя невиданнаго никогда человѣка стало символомъ высшаго, всевластнаго, повелѣвающаго. И это было такъ потому, что каждый годъ, передъ большимъ праздникомъ, отецъ его начиналъ безтолково суетиться и твердить женѣ:

— Лепокъ-то, Анисья, продать надо. И цѣны нѣту, а надо продать. Богатырь ждать не станетъ.

«Богатырь требуетъ», «Богатырь дастъ», «Богатырь не помируетъ» — слышалъ онъ съ дѣтства, и ему представлялось что-то огромное, облеченное мощью и властью, злое и доброе, то, что зовется богатыремъ. И былъ онъ изумленъ и даже разочарованъ, когда, увязавшись за отцомъ въ Савкино, увидѣлъ подъ рѣзнымъ павѣсомъ деревяннаго дома за столомъ, крытымъ домотканной скатертью, румянаго красиваго старика съ густыми кудрями и веселымъ лицомъ, въ ситцевой разстегнутой на груди рубахѣ, шумно прихлебывающаго съ блюдечка чай, который наливала ему толстая низенькая женщина въ повойникѣ на плотно приглаженныхъ волосахъ. Отецъ стоялъ у крыльца, склонивъ передъ краевымъ румянымъ старикомъ преждевременно облысѣвшую голову, а старикъ хлебалъ чай, чавкалъ губами и говорилъ ровнымъ, негромкимъ голосомъ.

— Это ужъ ты напрасно. Да. Проценту твоего мнѣ не падобе, а ты умѣй брать, умѣй и отдать. Да.

Позднѣе узналъ Трошинъ, что Богатыревъ—мироѣдъ и кулакъ, нажившій «по кусочкамъ» и въ разное время двѣ тысячи десятинъ земли и большой капиталъ, что есть у него два сына, Степанъ и Егоръ, что жена его умерла въ холеру... Но никогда не могло изгладиться у него то чувство невольнаго преклоненія передъ высшимъ и властнымъ, которое питала къ Тимофею Васильевичу вся округа. И встрѣчая иной разъ Богатырева, то въ ковровыхъ сапяхъ на пути въ село Шетровское, то на ярмаркѣ, въ линейкѣ, запряженной кровнымъ жеребцомъ, учитель вспоминалъ, какимъ казался ему этотъ человѣкъ въ прежніе годы.

А Богатыревъ, и точно, былъ не совсѣмъ обыкновеннымъ человѣкомъ: прославленный на весь уѣздъ, окруженный атмосферой человѣческой злобы, зависти и почтенія, встрѣчаемый низкими поклонами и провожаемый колючими ненавидящими взглядами трусливыхъ и метительныхъ людей, былъ онъ незаурядно уменъ, холоденъ и расчетливъ, и умѣлъ съ достоинствомъ пести ту особенную, ни съ чѣмъ несравнимую, власть, которую давали ему его деньги. Ни передъ кѣмъ не терялся и совсѣмъ не зналъ страха.

Разъ въ году, на Петра и Павла, въ большомъ селѣ Петровскомъ бывала ярмарка, куда изъ трехъ городовъ съѣзжались сотни торговцевъ и со всего уѣзда сходились несмѣтныя толпы народа, купить и продать, погулять и поглядѣть на гульбу, попить и подраться. Къ двумъ часамъ дня на огромной площади бушевала шеститысячная толпа, гикающая, ревущая, пьяная, буйная. На околицѣ въ сторонѣ жались къ дорогѣ шесть конныхъ стражниковъ и урядникъ съ приставомъ, безпомощно глядя на расходившееся человѣческое море. Задами, пахлобучивъ шапку и вобравъ голову въ плечи, торопя кучера, объѣзжалъ село грозный въ обычное время земскій начальникъ Вереницынъ. Задами пробирались случайно попавшіе по пути въ городъ землемѣры и агрономы. А на площади гуломъ-гудѣла, ревѣла, выла и грохотала толпа, грозно и дико неся откуда-то свпеть, сухо трещали выламываемые пзъ плетня колья и уже раздавались кое-гдѣ отчаянные, рѣжущіе ухо крики, пррчитанія бабъ и визгъ испуганныхъ дракою дѣвокъ, по-овечьи, яркой пестрой толпой мечущихся въ стороны отъ надвигавшихся стѣною на стѣну парней. И среди этой толпы, шагомъ, сдерживая рысака, проѣзжалъ Тимофей Богатыревъ, въ сипей чуйкѣ поверхъ сатинетовой рубахи, зорко и прямо глядя ястребиными глазами подъ павѣсомъ густыхъ кустп-

стыхъ бровей, чуть кивая головой на поклоны стариковъ и презрительно щурясь въ лицо наглой и пьяной деревенской молодежи. Наѣзжалъ грудью коня на столпившихся въ спорѣ людей и кричалъ властнымъ, повелительнымъ крикомъ.

— Эй, разступись! Глазъ нѣту, что ли.

Теперь Богатыревъ сидѣлъ, по-стариковски, согнувшись и положивъ большія руки на палку-костыль. Вѣтеръ косилъ его густую боярскую бороду и вздымалъ ворсъ на воротникѣ лиссей шубы. Старикъ пошевелился и спросилъ учителя:

— А ты все еще бѣса тѣшишь?

— Какъ это?

— Да такъ. Не женатъ?

— Нѣтъ еще.

— Напрасно,—насмѣшливо, нервно зѣвая, сказалъ Богатыревъ,—умные люди такъ говаривали; какая ни жонка, а все лучше поросенка: сама дверь отчпнить и зачинить.

Онъ засмѣялся своей шуткѣ, но смѣхъ сразу погасъ и лицо его окаменѣло.

— Вы по дѣлу въ Москву?

Богатыревъ повернулъ голову и учитель яснѣе увидѣлъ его лицо. Оно было совсѣмъ старое, увядшее, и въ холодныхъ глазахъ лежала та бездонная тоска, которая видна у отжившихъ людей и вѣриѣ физической немощи говорить о близкой могилѣ.

— По дѣ-ѣлу... А ты не слыхалъ? Радуются, собаки, бѣдѣ моей... тихо, точно про себя, молвилъ онъ. Въ голосѣ его не было злобы.

Учитель вспыхнулъ отъ обиды.

— Это вы ерунду сказали!—воскликнулъ онъ съ сердцемъ.

Старикъ пристально и точно недоумѣвающе поглядѣлъ ему въ лицо, пожевалъ губами и, внезапно протянувъ руку, тронулъ его за рукавъ.

— Ерунду, говоришь? Ну, ладно, ладно. Ты не сердчай, малецъ, я такъ...

— Я не сержусь, а только зачѣмъ же... У всякаго горе свое...

— Да, да. Горе. Горе, что море: конца не видать и дна не достать. А ты не сердись. Сиди, сиди,—сказалъ Богатыревъ, когда учитель пошевелилъ озябшими ногами:—не обидѣлъ я тебя. Меня Богъ обидѣлъ, вотъ это вѣрно. О-охъ, Господи Сусе Христе!..—стономъ вырвалось у него и учитель замѣгилъ, какъ затряслась подъ мѣховой шапкой его кудрявая голова и дрогнули руки, налегавшія на костыль.

— Про Степку мнѣ часто думалось, что ему не воротиться,—началъ Богатыревъ, глядя въ землю свинцовыми немигающими глазами:—еще какъ прощался онъ... Все мнѣ это самое думалось, что убьютъ. Шель въ куражѣ, хватался... веселыя письма нисалъ. «Любезный нашъ тятенька, Тимофей Васильичъ, обѣ насъ не безпокойтеся, живы и здоровы, чего и вамъ желаемъ, непріятели не пужаемся и дѣла наши, слава Богу, успѣшны, были въ трехъ сраженьяхъ, но Господь насъ помиловалъ»,—любовно, нараспѣвъ говорилъ онъ, повторяя видимо наизусть вытверженные строки.—А опослѣ того пишетъ ужъ Егоръ. «Любезный нашъ тятенька, Тимофей Васильевичъ, низко я вамъ кланяюся и прошу вашего родительскаго благословенія, живъ и здоровъ, чего и вамъ желаю... и еще отписываю я вамъ наше горе... что любезный сынъ вашъ и мой братецъ, дорогой Степанъ Тимофеевичъ, раненъ былъ въ голову шрапнелей... и скончался того жъ

числа въ полевомъ госпиталѣ». Вотъ оно какъ... А ужъ теперь... Какъ про Егора-то я...

— Да, вѣдь, живъ Егоръ Тимофеевичъ? говорили мужики, что онъ въ Москвѣ лежитъ.

— Въ Москвѣ, это вѣрно. Живъ... Обѣ руки отняты, а живъ. Обѣ руки... обѣ...—бормоталъ старикъ, качая головой, какъ фарфоровый китаецъ:—живъ, это вѣрно. Обѣихъ рукъ нѣту, а живъ... Н-ну, вотъ я и ѣду... Вотъ и ѣду.

Раздражающе-громко ударилъ станціонный колоколъ, извѣщая, что поѣздъ отошелъ съ послѣдней станціи. Старикъ поглядѣлъ на часы, пошевелился и снова замеръ, не запахивая шубы и, видимо, не чувствуя холода и вѣтра.

— Ванька Повиковъ видалъ его, Егорушку. Да. Лежитъ. Обѣ руки отняты, а по какое мѣсто?—не присмотрѣлся, а тотъ не сказалъ. Одно только просилъ, чтобъ не сказывать миѣ ни въ какомъ разѣ, что онъ его видалъ... Потому, говорилъ, что домой онъ не поѣдетъ... Думаетъ въ госпиталѣ помереть, а ежели вылечать, то... самъ себѣ конецъ сдѣлаетъ...—тупо бормоталъ старикъ, все качая головою и упорно глядя въ мерзлую землю:—такъ онъ полагаетъ, Егорка-то. Ну, я на это не согласенъ... Нѣтъ, не согласенъ.

Яростно, взвихривая песокъ, пронесился ледяной вѣтеръ, шумѣла за станціонными домами березовая роща, гулко и сухо стучали сапоги по скованной морозомъ землѣ и далеко на запасномъ пути тонко и пискливо нѣлъ паровозъ, уводя куда-то призраки-вагоны.

— Вы бы запахнулись. Вотъ грудь у васъ открыта,—сказалъ учитель. Старикъ машинально поправилъ полы своей шубы.

— Ты... Егора давно видалъ?

Учитель вспомнилъ высокаго илечислаго Егора Богагыренка, розоваго и такого же кудряваго, какъ его отецъ, но съ мелкими чертами лица и не столь краснаго. Онъ у нихъ по сосѣдству соблазнилъ пригожую дѣвку и та родила отъ него мертваго ребенка. Потомъ онъ бросилъ ее, и она ушла въ Питеръ, откуда прѣѣзжала домой наглая и нарядная, съ шелковымъ зонтикомъ въ рукахъ и въ шелковомъ платьѣ съ разрѣзомъ. А Егоръ гулялъ уже съ женой мясника Антина.

— Женить я его хотѣлъ, Егора. Давно хотѣлъ, да... спутался онъ тутъ со шлюхами, вотъ и остался такъ. Такъ и остался.

Богатыревъ помолчалъ, тяжело вздохнулъ и поднялъ голову.

— Объ чемъ ты съ Калитинымъ да съ пономъ спорилъ-то? Чего онъ тамъ кричалъ.

— Пѣмцевъ ругалъ.

— Ну?

— Больше ничего.

— Да кричать-то пошто?—настойчиво спрашивалъ старикъ, видимо, цѣпляясь за разговоръ, чтобъ отойти отъ своихъ страшныхъ мыслей.

— Ну, какъ же... Враги, вѣдь.

— Отъ этого и кричить? Похоже!—покачалъ головой Богатыревъ.—Они, дворяннички, все съ крикомъ да съ гакомъ. Этого пріятель евоный, Поповъ, какъ ратниковъ провожали, тоже горлачилъ, не хуже Степушки-покойника. Какъ горло не насадилъ, кричаши. Ты какъ объ этомъ полагаешь?

— Конечно, враговъ надо бить.

— Не про то я тебѣ говорю, малецъ. «Бить». Не чай съ ними пить, это

всякому понятно. Ты то подумай, такое-ль теперича время, чтобы глотку драть? Война... сурово и неспѣшно говорилъ Богатыревъ.—Могутъ они попятъ, какая это война? «Нѣмцы» ... Вонъ, нишуть, цѣльную Москву народу навалили, нѣмецевъ-то... Это что-жъ, по твоему, удовольствіе имъ?

— Сами они войну объявили...

— Пустое городишь!—рѣзко перебилъ старикъ.—Сами... То-то, не сами. Ослѣпилъ Господь. Царя имъ наслалъ—Велхема. Може, про эту войну пророки пророчили... Кого святой Іоаннъ Богословъ видалъ, стоя на песцѣ морскомъ? «Кто подобенъ звѣрю сему и кто можетъ сразиться съ нимъ» ... Власть его надъ всякимъ родомъ и племенемъ. Вонъ, нишуть, двадцать пять лѣтъ онъ пушки лилъ, Велхемъ-то тототъ. Тамъ народъ работаетъ, кто къ какому дѣлу прпставленъ, а онъ, злодѣй, свою линію гнетъ: пушки льетъ, крѣпостя строитъ да ядра готовитъ. И, небось, веѣ видали, какъ онъ это самое... А съ престола не ссадили, въ заточенье не сослали. Ослѣпилъ Господь. Черезъ это и пропадаютъ.

Трошкинъ вспомнилъ, что Богатыревъ—старовѣръ.

Старикъ замолкъ и понурился. Молчали долго. Учитель ежилея въ пальто, стараясь спрятать подъ папаху озябшія уши. Ненеходною казалась надвигающаяся отъ полей студеная почъ и злобой одушевленнаго существа дышали порывы все крѣпчавшаго вѣтра. Отчаянно металсь языки пламени въ керосиновыхъ фонаряхъ. Наконецъ, откуда-то изъ тьмы, едва достигая слуха, донесся гудокъ приближающагося поѣзда. Торопливѣе застучали шаги и торопливѣе, перебывая и сливаясь, зазвучали голоса. Учитель поднялся съ лавки, немедлилъ, глядя на старика и пошелъ по ступенькамъ внизъ, къ полотну. Старикъ не шевельнулся, и, казалось, не замѣтилъ его ухода.

Поѣздъ былъ мѣстный, товаро-пассажи́рскій и шелъ до узловой станціи, до пересадки на Москву. Въ вагонъ третьяго класса почти никого не было. Тускло мерцали свѣчи въ неуклюжихъ фонаряхъ, было неуютно, грязно, но все же было тепло и оттого пріятно. Учитель примостился вблизи отъ выхода. Нѣсколько минутъ въ вагонъ не входилъ никто, нотомъ шумно ввалилась ватага мужиковъ и прошла дальше, хлопая дверьми. За ними медленной походкой, держа въ лѣвой рукѣ дорожный мѣшокъ, вошелъ Богатыревъ въ сопровожденіи знакомаго учителю лавочника Михайлы Сниткина, круглаго жирнаго парня съ толстымъ бабьимъ лицомъ и свиными глазами. Сниткинъ замѣтно стремился услужить Тимофею Васильевичу, придерживая дверь, пока старикъ входилъ въ вагонъ. Богатыревъ увидалъ учителя и сѣлъ напротивъ. Сниткинъ, потоптавшнсь на мѣстѣ, почтительно помѣстился наискось отъ него, сунулъ учителю влажную руку съ короткими пальцами и заплаканными глазами уставился на старика.

— А я, Тимофей Васильичъ, до губерни... слащаво и почтительно заговорилъ онъ, видя, что старикъ не собирается начинать разговора.—Въ субботу первый гуртъ надо предоставить. Очень много хлопотъ, Тимофей Васильичъ.

— Это у тебя?—безразлично спросилъ Богатыревъ.

— У меня, Тимофей Васильичъ. Какъ я вамъ говорилъ, цѣны очень подходящія, но хлопотно. Къ веснѣ оборотъ закончится...

— Такъ, такъ. А твоему векселю у меня когда срокъ?—съ еле замѣтной уемѣшкой спросилъ Богатыревъ.

Сниткинъ сразу увялъ и на его лоснящемся лицѣ явилось огорченное выраженіе.

— Въ мартѣ мѣсяцѣ, Тимофей Васильевичъ. Да ужъ я, какъ сказано...

— Ну, то-то. Ты—торговецъ неплохой. Вотъ до марта и оборотись.

— Да я не къ тому, Тимофей Васильичъ... Я касательно цѣнъ. Цѣны очень подходящія. Ежели-бы по вашему капиталу...

— Это, чтобы я съ вами въ дѣло, что-ль, вошелъ?—сурово спросилъ старикъ, сдвигая густыя брови.

— Какъ угодно, Тимофей Васильичъ. Дѣло, сами видите, чистое, казенное...

— Жирно кушать будешь, купецъ!—уже съ откровенной насмѣшкой отръзалъ Богатыревъ.—Ты вотъ уплату припасай. Ишь,—дерзить!—качнулъ онъ головою на Сниткина.

— Съ нимъ въ компанію. Да ты, рыло, съ какого конца меня глядѣлъ-то? Сзади, что-ль? Такъ ты спереди погляди, кто я таковъ. Торговецъ! Въ Баулино въ лавку садился, у меня деньги бралъ!—обратился старикъ къ учителю, указывая на Сниткина.—Я его, дурака, училъ... Такъ куды. Я, говоритъ, не то что самъ капиталы наживу, а я и родителю своему путь просвѣщу. Вотъ и—просвисталъ. Второй годъ сидитъ, третій вексель пишетъ.

— Конфузить-то можно, что-жъ!—смущенно пробормоталъ лавочникъ.

— Конфузить... Бить тебя надо, лодыря, а не конфузить. На пятнадцатый продать,—это онъ и въ лавку нейдетъ. Ишь, морду паѣлъ. Носъ караулъ кричитъ, что щеки задавили. Ты вотъ скажи мнѣ, почему ты овесъ продавалъ?

— Извѣстно, по рупь десять.

— Врешь, скотина. По рупь-тридцать ты дралъ. Знаю, небось. Въ тюрьму тебя за это слѣдуетъ. Извѣстно, платять, куда саннаго путя нѣту и въ городъ не добаться, да, вѣдь, какъ теперича брать-то. Подумаль-бы ты, морда салыная, съ кого берешь?—гнѣвно, но мѣрно говорилъ старикъ, пристукивая палкой и покачивая красивой кудрявой головою.

Поѣздъ уже тронулся и шелъ медленнымъ ходомъ, поминутно давая свѣтки.

— Пристановка, сами знаете, какая. Тоже, вѣдь, платимъ, Тимофей Васильичъ!—оправдывался лавочникъ, ежась подъ тяжелыми, точно налитыми свинцомъ старческими глазами.

— Пристановка... Нѣтъ, ты подумай, съ кого дерешь, вотъ что я тебя спрашиваю. Легко-ли дѣло... Народъ... Народъ въ хорошую пору не такихъ живодеровъ кормить, а тебя ему накормить—тьфу, что вошь, одно слово... Да, вѣдь сказывается, пѣшаго сокола и галки деруть. Ну, да будетъ—круто оборвалъ старикъ и, обведя холодными тусклыми глазами жирную коротенькую фигуру лавочника, сказалъ своимъ обычнымъ голосомъ:

— Мѣстовъ-то много. Ступай-ка ты. Ужо тамъ потолкуемъ... въ мартѣ мѣсяцѣ. А теперь ступай, мнѣ и безъ тебя нудно.

— Что-жъ, я... Прощенья просимъ!—заторопился Сниткинъ, обиженно вздергивая плечами. Онъ поднялъ картузь, всталъ съ лавки и ушелъ, поблескивая лакированными голенищами. Старикъ пренебрежительно усмѣхнулся.

— Гипда-человѣкъ.

— Обидѣли вы его!—вступился учитель.

— Ничего, ничего. Его дѣло такое. Жулику безъ обиды не прожить.

Въ темные прямоугольники вагонныхъ оконъ глядѣла беззвѣздная ночь. Глухо и слитно рокотали колеса, проносаясь надъ мостами, и снова начинали отсчитывать мѣрныя тяжелые удары, когда поѣздъ сходилъ съ мостовъ. Тряслись де-

ревяшныя перегородки и гдѣ-то въ сосѣдномъ отдѣленіи громко стучала непритворенная дверь.

Трошкинъ нескоса взглядывалъ на попутчика. Старикъ маялся въ нескходной темной тоскѣ, откинувшись назадъ широкими плечами и крѣпко стиснувъ палку жилистыми костлявыми руками.

— Максимъ, а Максимъ!—началъ онъ вдругъ разбитымъ, не своимъ голосомъ.—Бду я теперича... а! Какъ я его увижу-то? Что-жъ я ему скажу-то, а?

И, внезапно вздрогнувъ, онъ палегъ грудью на костыль; щеки его запрыгали, глаза стали круглыми и незрячими, какъ у совы. И точно видя передъ собою вмѣсто учителя изуродованнаго сына, заговорилъ онъ хрипло и умоляюще:

— Любезный сыночекъ мой... Егоръ Тимофеевичъ... Что же ты это задумалъ... И... и не грѣ-ѣхъ тебѣ!.. А ме... а ме-ся... мме... я... старика... уже плача, черезъ силу выговаривая слова, мотая изъ стороны въ сторону кудрявой головою причитающимъ воплемъ заголосилъ старикъ.

Учителю хотѣлось его утѣшить, но слова не шли и онъ не зналъ, что сказать, или понималъ, что все, что ни скажетъ онъ, будетъ лишнимъ и ненужнымъ передъ огромной человѣческой скорбью. Жуткое молчаніе казалось безконечнымъ. Старикъ медленно, неловко, рукавомъ шубы вытиралъ дряблыя трясушіяся щеки.

— Господи Сусе Христе!—воскликнулъ онъ потомъ измѣнившимся, тихимъ и умилненнымъ голосомъ, точно чему-то внезапно обрадовавшись, или найдя рѣшеніе мучившаго его вопроса.—Да развѣ калѣченые-то не живутъ? Вѣдь, живутъ-же—и какъ еще... Вонъ въ Любовѣ баринъ Журавлевъ сколько годовъ жилъ... Руками-ногами не владалъ, а жилъ и дѣвку имѣлъ при себѣ... Да я-то нешто не найду ему невѣсты! Да я такую найду... И дѣтей народитъ, и... може, пошлетъ Господь мнѣ милости впуковъ поднять. Вотъ тогда и помирай ты съ Господомъ...

Вошелъ контроль—и кондукторъ, сонный, сердитый, склонивъ къ фонарю обвѣтренное покрасѣвшее лицо, медленно прощелкивалъ билеты, читая названія станцій.

— На Москву пересадка въ часъ ночи!—пробурчалъ онъ подъ носъ и прошелъ дальше, шлепая валевыми сапогами по загажепному полу.

— Еванделье... точно въ бреду промолвилъ старикъ и смолкъ. Трошкинъ вопросительно посмотрѣлъ на него.

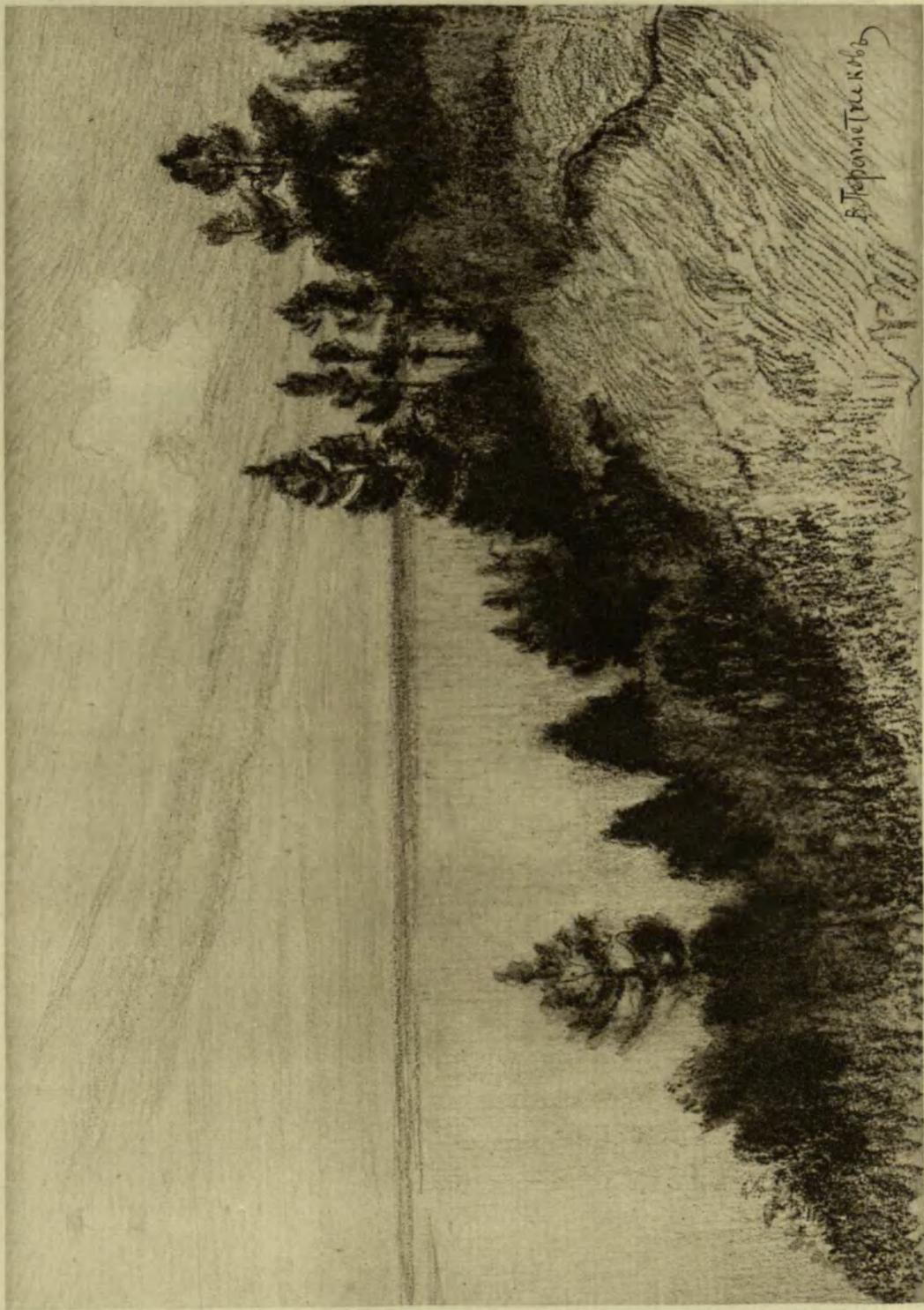
— Еванделье, говорю. Сколько разовъ читалъ, а все безъ понятія. «Скорбить душа Моя даже до смерти»... Вѣдь, какія слова-то, а! Слова-то какія, Господи! Даже до смерти... Не понимаешь ты, нѣтъ!

— Отчего-же. Я понимаю... началъ было учитель, но старикъ затрясъ головою.

— Нѣтъ, какъ можно... Жалѣть—это такъ, а понять... Ни одна душа меня теперича не пойметъ... Иное дѣло, кабы... покойница жива была... ротъ... вотъ ужъ это она могла бы... да! Ухватилась-бы мы другъ за дружку и... з-завыли бы вмѣстѣхъ!—звенящимъ голосомъ воскликнулъ онъ, раскачиваясь на мѣстѣ, какъ отъ нестерпимой боли.

Потомъ снова утеръ намокшія щеки и выморкался.

— Думается мнѣ... Бьютъ теперича народъ. Нашихъ бьютъ и ихнихъ бьютъ... И вотъ, може, тамъ тоже кому-нибудь этакъ-то руки... и тоже отецъ убивается, и бѣмца-то... И вотъ, ежели-бы я... ежели-бы мнѣ нѣмца этого... Вотъ ужъ тутъ мы поняли-бы, да. Онъ меня, и я его...

В. Переплетчиковъ

В. В. Переплетчиковъ.

— Да почему-же...

— А ты молчи, молчи!—торопливо, махая слабой рукой заговорилъ старикъ.—Молчи, Максимъ. Я про нѣмца этого самъ надумалъ и то мнѣ какъ-бы полегше... Не то что полегше, гдѣ ужъ... а словно-бы утѣшенъе...

Протяжно и заунывно зазвучалъ свистокъ паровоза. Учитель глянулъ въ окно. Была тьма. Далеко-далеко впереди справа на черномъ небѣ стояло мутное еле видное пятно свѣта. Приближался городъ. Учитель досталъ съ сѣтки свою корзиночку и началъ застегиваться. Хотѣлось скорѣе уйти отсюда, отъ этой полутьмы, отъ раздражающаго лязга колесъ и скрипѣнья перегородокъ, отъ бездонной тоски маявшагося здѣсь старика. Хотѣлось думать о новыхъ встрѣчахъ, о своихъ маленькихъ радостяхъ. И въ этомъ желаніи было что-то стыдное, неловкое, похожее на то чувство, какое долженъ испытывать человѣкъ, проходящій мимо нищаго, когда печѣмъ сотворить милостыню. Скорѣе, скорѣе за поворотъ, чтобы не чувствовать на спинѣ молящаго ожидающаго взгляда!

Дрогнувъ и затрясая вагономъ, переходя стрѣлку. Учитель заторопился, натягивая перчатки.

— Уходишь!—поднялъ на него тяжелые глаза Богатыревъ.—Ну, ступай съ Богомъ. Егору-то поклониться? Поклонюсь!—сказалъ онъ, не дожидаясь отвѣта.—Онъ тебя помпнть.

Пожавъ костлявую старческую руку, учитель вышелъ. Поѣздъ уже убавлялъ ходъ. Проплылъ семафоръ, мигая зеленымъ глазомъ. Показалась станція. Колоколь, гудя и завывая, зазвучалъ оттуда сквозь порывы вѣтра мѣрными ударами.

Морщась отъ налетавшаго вѣтра, съ раздраженіемъ думая о томъ, что до города надо тащиться двѣ версты пустыми полями, учитель вышелъ на вокзалъ, прошелъ скупо освѣщенное станціонное помѣщеніе и, разглядѣвъ въ темнотѣ силуэты извоничьихъ лошадей, подошелъ къ первому попавшемуся извоннику. Онъ порядился и сѣлъ въ разбитую пролетку, стараясь поглубже уйти въ нее веѣмъ тѣломъ. Стуча копытами по булыжнику, разбитой рысью пошла еле видная въ темнотѣ кляча. На переѣздѣ у полотна долго пришлось стоять передъ опущеннымъ шлагбаумомъ. Наконецъ, медленно ворочая колеса, прошелъ отъ станціи поѣздъ и невидимый сторожъ отцѣпилъ шлагбаумъ. Снова задребезжала пролетка.

Поѣздъ уходилъ и огонь на концѣ его медленно погружался во тьму ненастной ночи. Помимо воли думалось о старикѣ, который тамъ, въ вагонѣ, мается теперь въ жуткомъ ожиданіи своей ужасной встрѣчи. Какова она будетъ, эта встрѣча? И что будетъ потомъ, когда пройдутъ первыя мгновения? Кто знаетъ?.. Свалится-ли, какъ волъ подъ ножомъ мясника, убитый горемъ человѣкъ и покорно, безгласно, безучастно будетъ ожидать кончины сына и своей близкой смерти? Или взметнется онъ бѣшенымъ волкомъ, топя свое горе въ винѣ, плача и проклиная, молясь и богохульствуя, какъ умѣютъ это сочетать русскіе люди? Или, собравъ послѣднія силы, чуткимъ воропомъ сядетъ онъ падъ калѣжкой, бережно охраняя его отъ людей, умолая и уговаривая, ища невѣсту и дожидаясь внуковъ, покорный неодолимому желанію человѣка видѣть входы сѣмени своего на землѣ?

Бѣжали поля, невидныя въ темнотѣ, и ясныѣ выплывали изъ мрака цѣпи приближающихся городскихъ огней.

6 Января 1915 г.
Им. Кіевка.

А. Черемновъ.